

В.Т. НАРЕЖНЫЙ

В. Т. НАРЕЖНЫЙ

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1956*

Вступительная статья

Н. Л. Степанова

Подготовка текста и примечания

А. М. Жигулева

В. Т. НАРЕЖНЫЙ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1956*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

РОМАНЫ В. Т. НАРЕЖНОГО

Среди русских писателей «допушкинского» периода В. Т. Нарезный занимает особое место. Он был одним из зачинателей демократической традиции в русской литературе, одним из первых писателей-разночинцев, смело выступившим на борьбу с крепостничеством. Белинский называл Нарезного «родоначальником» русских романистов, писателем с «замечательным и оригинальным талантом»¹.

Романы Нарезного, по-старинному занимательные, проникнутые то живым и едким юмором, то острой сатирой, сохранили свой интерес и значение вплоть до нашего времени благодаря правдивому изображению нравов тогдашней эпохи. Сочувствие простым труженикам, находящимся на самом низу общественной лестницы, непримиримое отношение к произволу и жестокости господствующих верхов выдвигают Нарезного в ряды наиболее передовых писателей начала XIX века. И хотя Нарезный не достиг политической зрелости, которой отличалось творчество его старшего современника, писателя-революционера Радищева, однако правдивость изображаемых им картин общественных нравов, сатирическая направленность его произведений дают достаточно оснований включить его в круг тех писателей, чье творчество служило пробуждению свободной мысли и призывало к борьбе с ненавистной народу крепостнической действительностью.

В правдивом изображении жизни современного общества Нарезный является предшественником Гоголя, поэтому с давних пор имя Нарезного справедливо не отделялось от имени его великого земляка.

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IX, изд. АН СССР, 1955, стр. 642.

Редко о ком из писателей сохранилось так мало сведений, как о Нарежном. За исключением послужных списков, нескольких официальных документов и краткого сообщения его сына никакими биографическими данными мы не располагаем.

Василий Трофимович Нарежный вырос на Украине. Родился он в 1780 году в местечке Устивицы тогдашней Миргородской сотни, Гадячского повета (уезда), где его отец, Т. И. Нарежный, владел небольшим клочком земли. Хотя Т. И. Нарежный считался по бумагам дворянином, но жил жизнью простого казака. В своем послужном списке он указывал: «Людей за собою не имею, а имением недвижимым я ~~(не)~~ по предкам, а собою для дневного пропитания приобретенным пахотною и сенокосною землею владею. Других же угодий никаких не имеется»¹. Несомненно, что бытовой уклад семьи Нарежного не так уж многим отличался от скромной трудовой жизни «князя» Чистякова, описанной в «Российском Жилблазе».

Детские годы будущего писателя прошли в обстановке украинской деревни, в тесном общении с крепостными крестьянами.

Одиннадцатилетним подростком Нарежный в 1792 году был отправлен в Москву, где поступил в гимназию при Московском университете. По окончании гимназии в 1799 году он был зачислен в университет, в котором обучался около двух лет. В гимназии и в университете Нарежный встретился не только со студентами из дворян, но и с разночинцами — выходцами из духовенства и мещанства.

Среди студентов в это время было немало украинцев, широко привлекавшихся ректором университета Антонским-Прокоповичем. Как рассказывает в своих воспоминаниях Н. В. Сушков: «...малороссиянин, ²обязанный своим образованием Москве, Антонский, между прочим, имел постоянною целью — сближение своих земляков с москалями, ...привлекая одних в свой пансион и содействуя помещению других в университет... Так, например, приведу его слова: «Вот приходит-то к нам Вронченко — из Малороссии, в нагальном тулупе, без гроша... Жаль бедняка!.. Приняли его в университет»².

Подобно многим из своих сотоварищей, Нарежный вел более чем скромное существование. Ради хлеба насущного такие студенты занимались переводами популярных тогда авантюрных и чувствительных романов. Для безденежных «штатных» гимназистов и сту-

¹ Н. Белозерская, В. Т. Нарежный, Спб. 1896, ч. 2. Приложения, стр. V.

² Н. В. Сушков, Московский университетский благородный пансион, М. 1858, стр. 30.

дентов, по свидетельству И. Тимковского, «лучший способ доходов состоял в переводе книг на вольную продажу»¹. Несомненно, что к этому же способу прибегал и Нарежный.

Годы ученья будущего писателя приходятся на период усиления правительственной реакции. В своей внешней политике царизм преследовал задачу поддержки пошатнувшихся после французской буржуазной революции королевских тронов в Европе. Внутренняя политика была направлена на подавление передового общественного движения. Действиями Екатерины II, а вслед за нею и Павла прежде всего руководили страх перед революцией и народным восстанием. Жертвами жестоких гонений «казанской помещицы» оказались лучшие, передовые люди — Новиков, Радищев и др., брошенные в казематы шлиссельбургской крепости или сосланные в далекие пустынные углы Сибири.

Вельможи и владельцы огромных крепостных поместий, стараясь подражать ослепительной пышности дворцовых порядков, растрачивали огромные средства и разоряли своих крепостных крестьян. Расточительство, казнокрадство, злоупотребления всего чиновно-бюрократического аппарата тяжелым бременем ложились на государство. Неслыханной роскоши вельмож и помещиков противостояла чудовищная нищета народных масс. Этим объясняются незаживавшие на всем протяжении девяностых годов стихийные вспышки недовольства крепостного крестьянства, напоминавшие о недавней пугачевщине.

Но правительственная реакция не заглушила лучшие, передовые традиции русской литературы, заложенные Новиковым, Фонвизным, Радищевым. Их влияние в той или иной мере чувствовалось и в тогдашней общественной атмосфере и во всем развитии русской литературы, хотя в конце XVIII века ведущая роль в литературной жизни перешла к Карамзину и его последователям — сентименталистам.

Нарежный проходил в университете курс «права естественного и народного», познакомился как с античной классической литературой, так и с литературой западноевропейского сентиментализма и преромантизма. Читались в подлинниках произведения философ-просветителей и лучших западноевропейских писателей — Вольтера, Дидро, Руссо, Шиллера. В университет проникали новые, передовые веяния. Избрав философский факультет, Нарежный обучался на нем «логике и метафизике, энциклопедии всех наук, всемирной истории и географии, чистой и смешанной математике и опытной физике» и языкам.

¹ «Москвитянин», 1851, кн. 10, стр. 37.

В университете определились литературные интересы Нарежного, к этому же времени относится и начало его писательской деятельности. Первые произведения Нарежного помещены были в московских журналах: в «Приятном и полезном препровождении времени» (1798) и «Ипокрене, или Утехах любословия» (1799—1800). Эти произведения в основном отвечали тем литературным вкусам, которые характеризовали университетскую среду, в частности взгляды сторонника классицизма П. А. Сохацкого, преподавателя греческой и латинской словесности, являвшегося вместе с тем и редактором университетских журналов. Первая юношеская трагедия Нарежного «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова» представляла собой обработку мотивов Эсхила и Софокла. В духе поэтики классицизма написаны были и историко-героические поэмы — «Брега Алты» и «Освобожденная Москва».

В то же время Нарежный приобщается и к тем новым преромантическим веяниям, которые приходили с Запада. Помимо нескольких аллегорий и идиллий в сентиментальном духе, он пишет в 1801 году драму «Дмитрий Самозванец» (издана была в 1804 г.), являвшуюся, по словам одного из рецензентов, «сколком с Шиллеровых «Разбойников», почти та же завязка, почти те же характеры»¹. «Дмитрий Самозванец» был одним из первых опытов преромантической драмы на русской почве, он встретил негодующие отзывы критики, взывавшей к «правосудию» и протестовавшей против «обыкновенного» языка трагедии².

Кроме «Дмитрия Самозванца», Нарежным было написано еще несколько романтических трагедий. Рукопись одной из них — «Мертвый замо́к», трагедия в пяти действиях, сочинение студента Московского университета В. Нарежного, датированная мартом 1801 года, обнаружена лишь недавно. Нарежный и в дальнейшем пробовал свои силы в драматургии, — так, по сообщению Н. Греча, к 1812 году остались неизданными три его исторические трагедии в стихах: «Елена», «Светлосан» и «Святополк»; последняя была написана «в подражание Шиллеру пятистопными белыми стихами»³. «Святополка» Нарежный предполагал издать в 1806 году, но пьеса была запрещена цензурой, считавшей «неприличным выводить на сцену святого князя Владимира»⁴. Однако занятия поэзией и драматургией оказались не тем путем, по которому в дальнейшем пошел

¹ «Галатее», 1830, ч. 17, № 35, стр. 191.

² Письмо от неизвестного, «Северный вестник», 1804, ч. IV.

³ Н. Г р е ч, Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе, Спб. 1812, стр. 447.

⁴ Описание дел архива Министерства народного просвещения, т. II, Птгр. 1921, стр. 14.

Нарежный, нашедший свое подлинное призвание в новом тогда жанре — романе.

Начатая столь успешно и разнообразно литературная деятельность Нарежного, так же как и его занятия в университете, неожиданно прервались. В октябре 1801 года, не окончив курса, он увольняется из университета, мотивируя свой уход поступлением на службу в канцелярию только что назначенного гражданского правителя Грузии Коваленского. Отказ от окончания университета, несомненно, объяснялся материальными затруднениями, преследовавшими Нарежного и в дальнейшем, в течение всей его жизни.

В 1802 году Нарежный приезжает в Тифлис, где назначается секретарем Лорийской управы земской полиции. Однако, прослужив там всего около года, он увольняется со службы и возвращается в Россию.

Кавказ оказался суровой жизненной школой для Нарежного. Молодой студент, одушевленный вольнолюбивыми мечтами, увлекающийся Шиллером, Руссо, идеями французских просветителей, попав в полицейскую канцелярию, столкнулся лицом к лицу с безудержным грабежом и самоуправством начальства. Скорый выход в отставку и поспешный отъезд из Грузии говорят о том, что Нарежный не смог ужиться в канцелярии земской полиции. Возмущенный произволом и хищничеством чиновнической верхушки, он выступил впоследствии на защиту угнетенных горских народов, разоблачив самоуправство чиновников и князей-феодалов в романе «Черный год, или Горские князья».

По возвращении в Россию Нарежный обосновывается в Петербурге и поступает на службу в третье «соляное отделение» Экспедиции государственного хозяйства только что организованного Министерства внутренних дел¹. Пребывание «коллежского регистратора» Нарежного с 1803 по 1807 год в «соляном отделении» на скромной должности «писца» с жалованием в 30 рублей в месяц не ознаменовано какими-либо событиями. Можно полагать лишь, что служба в «соляном отделении» дала ему большой жизненный опыт, в частности познакомила с тем купеческим и промышленным миром, который был изображен несколько позже в столь неприглядном виде в «Российском Жилблазе». В 1807 году Нарежный переходит на службу в Горную экспедицию на должность помощника экспедитора по Колывано-Воскресенским и Нерчинским заводам.

¹ Архив Министерства внутренних дел, дело № 2, «О определении чиновников в экспедицию», Ленинградское отделение Центрального исторического архива.

В 1809 году Нарезным была издана первая книжка повестей «Славенские вечера». Написанные ритмизованной прозой, с обилием метафор, «Славенские вечера» являлись одним из наиболее значительных и интересных проявлений русского преромантизма. Нарезный включался в то общее увлечение Оссианом и национально-героической тематикой, которое с конца XVIII века разделял целый ряд писателей, начиная с Карамзина и кончая молодым Пушкиным и Рылеевым.

В «Славенских вечерах» Нарезный обращается к историческим героям и эпизодам, заимствованным преимущественно из летописей. В повестях «Рогдай», «Велесил», «Громобой», «Ирена» он изображал богатырей Киевской Руси, наделяя их романтически-чувствительными чертами, идущими от оссиановских баллад и сентиментальных повестей. «Живость картин из дикой природы» и «смесь геройства с нежными сценами», «глубокая меланхолия», бывшие, по словам Н. М. Карамзина¹, отличительными признаками и «красотами оссиановских песен», сочетаются в «Славенских вечерах» с национально-исторической героикой.

Это обращение Нарезного к славянской истории и мифологии связано с ростом национального самосознания в годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 года, и не случайно, что героическая и патриотическая тематика «Славенских вечеров» оказалась впоследствии близкой «думам» поэтов-декабристов — Рылеева, Кюхельбекера.

«Славенские вечера» были сочувственно встречены критикой и доставили литературную известность Нарезному. Рецензент «Цветника» восторженно писал о них: «Кому не понравится такая превосходная проза? По крайней мере мы с своей стороны почитаем обязанностью отдать полную справедливость дарованиям г. Нарезного и сказать, что его «Славенские вечера» могут служить образцом чистоты языка и хорошего слога»². Отрывки из «Вечеров» вошли в качестве образцов и в хрестоматию Н. Греча «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе» (1812).

Вскоре после «Славенских вечеров» Нарезный напечатал в журнале «Цветник» (1810) еще две повести, примыкающие к этому циклу.

Успех «Славенских вечеров» не изменил, однако, материального положения Нарезного и не дал ему возможность всецело заняться литературой. Писатель попрежнему остается на скромной чинов-

¹ См. его статью «Оссиан» в «Пантеоне иностранной словесности», кн. I, М. 1798, стр. 200—202.

² «Цветник», 1809, июль, стр. 274.

ничьей должности. Лишь в 1813 году он решается выйти в отставку, повидимому, в связи с женитьбой и работой над романом «Российский Жилбаз», первые три части которого были напечатаны в 1814 году, а остальные три запрещены на основании представления министерства полиции.

Запрещение романа настолько болезненно отозвалось на Нарежном, что он, по воспоминаниям сына, «почти оставил авторство и начал думать о поступлении вновь на службу»¹. Пришлось отказаться от надежды посвятить себя исключительно писательской деятельности, и в начале 1815 года он вновь поступает на службу в инспекторский департамент военного министерства, где и прослужил на должности столоначальника до 1821 года, когда был уволен «за болезнью».

Свидетельством неприятностей, которые постигли писателя в связи с опубликованием его первого романа, служит признание самого Нарежного, сделанное им в посвящении к роману «Аристион» (1822), обращенному к его сослуживцу и начальнику П. А. Взметневу: «Около пятнадцати лет я пользуюсь твоею бесценною дружбою. Нередко... над головой моей сбирались грозные тучи, и твое благоразумие всегда умело отвращать гибельные удары, доставляя мне укромное пристанище». Так в «укромном пристанище», на скромной должности и укрывался Нарежный от неприятностей, которые навлек на себя своей смелой сатирой на крепостническую действительность.

Жизненный и творческий путь Нарежного проходил в стороне от дворянских кружков и салонов. Мы не найдем о нем упоминания в перечне посетителей тогдашних столичных литературных салонов — Олениных, Пономаревой. Его жизнь прошла вне дворянских гостиных, без почестей и богатства. Скромный чиновник, человек малообеспеченный, он вынужден был безропотно тянуть свою служебную лямку, довольствоваться узким кругом своих сослуживцев. Мелкие чиновники, «помощники экспедиторов», пробующие пробиться в литературу, но так и оставшиеся почти неизвестными, — вот круг знакомств Нарежного. Среди них выделяются П. А. Взметнев, написавший несколько бесцветных сатир и стихотворений, напечатанных в журнале «Улей» (в 1811—1812 гг.), драматург В. М. Федоров, автор сентиментальной пьесы «Лиза, или Последствия гордости и обольщения» (М. 1804), поэт и переводчик И. Розенмейер, способствовавший знакомству Нарежного с Вольным обществом любителей российской словесности.

¹ «Историческая хрестоматия» А. Галахова, т. II, Спб. 1877, стр. 292.

Небезинтересно свидетельство Е. Колбасина, одного из современников Нарезного, передавшего нам «рыцарски-бесстрашный» облик писателя, неоднократно попадавшего в беду из-за цензурных гонений и тем не менее стойко продолжавшего свою борьбу. По его словам, В. Нарезный был частым посетителем покровительствовавшего ему И. Мартынова, издателя «Северного вестника» (1804—1805) и «Лицея» (1806) и профессора Педагогического института. «Нарежный, — сообщает Е. Колбасин, — нравился ему своим юмором, веселым и рыцарским бесстрашным характером, что он обнаруживал довольно часто. Когда Нарезный имел большие неприятности по случаю одного из своих романов, в котором его недоброжелатели видели карикатурное будто бы изображение некоторых тогдашних лиц, его очень часто видели тогда у Мартынова, который по нежности своей старался сколько можно помочь бедному романисту»¹.

Сын писателя дополняет эти сведения из жизни Нарезного характеристикой его личности: «Отличительными его свойствами были простота, непринужденное обращение со всеми, веселый и шуточный нрав. Он чрезвычайно любил дружеские беседы, которые оживлял чтением собственных произведений или юмористическими рассказами. Из языков он знал латинский, французский и немецкий»².

Единственные литературные связи Нарезного, о которых мы знаем, — это связи с Вольным обществом любителей российской словесности, организовавшимся в 1816 году. Первоначально Общество имело политически инертный характер, но постепенно под влиянием своего вице-председателя Ф. Глинки приобретало все более прогрессивное направление, а в начале двадцатых годов руководящая роль стала принадлежать в нем писателям-декабристам³.

После длительного перерыва, связанного с запрещением «Жил-блаза», Нарезный выступил с повестями «Игорь», «Любослав» и «Александр», напечатав их в журнале Вольного общества — «Соревнователь просвещения и благотворения» за 1818—1819 годы.

В этих повестях он откликался на события Отечественной войны 1812 года. В повести «Александр» описан въезд Александра I в Париж, в повести «Любослав» честолюбивому и воинственному

¹ Е. Колбасин, Литературные деятели прошлого времени, Спб. 1859, стр. 66.

² «Историческая хрестоматия» А. Галахова, т. II, Спб. 1877, стр. 292.

³ См. историю Вольного общества в книге В. Базанова «Вольное общество любителей российской словесности», Петрозаводск, 1949.

Любославу (имелся в виду Наполеон) противопоставлялся добродетельный государь, который видит свою задачу в мире и счастье своих подданных и в отказе от деспотического правления, называя себя лишь «стражем» народа.

Нарежный, хотя и печатался в журнале, издаваемом Обществом, но в числе его членов не состоял. Общество, повидимому, с самого начала проявило покровительственное отношение к чиновнику-бедняку, каким был в их глазах Нарежный. Так, согласно отчету Вольного общества, за первую половину 1819 года Нарежному было выдано пособие в 300 рублей «в уважение неимущего состояния его»¹. Это пособие на бедность особенно наглядно говорит о тяжелом материальном положении писателя.

Общество предполагало издать две части «Славенских вечеров». Однако осуществить это издание не удалось: оказалось, что Нарежный был во власти какого-то дельца-предпринимателя, который закупил книгу еще до ее окончания. Поэтому на письмо секретаря Общества А. А. Никитина, в котором тот обратился с просьбой предоставить Обществу право издать «Славенские вечера», Нарежный 14 января 1819 года ответил следующее:

«Милостивый государь мой
Андрей Афонасьевич!

На почтеннейшее отношение ваше от 16-го прошедшего Декабря № 599 честь имею ответить, что такой поздний отзыв мой есть доказательство трудов и стараний по мере возможности угодить Обществу. К великому неудовольствию моему должен объявить, что особа, имеющая право располагать первою частию «Славенских вечеров», не иначе соглашается уступить оное, как с получением 500 рублей. — Есть ли Общество найдет свои щеты пожертвовать сею небольшою суммою, то я готов дать полномочие на распоряжение, какое только из той книги угодно будет сделать»². Повидимому, в результате этого ответа Общество не осуществило отдельного издания «Славенских вечеров» (хотя и объявленного уже в «Соревнователе просвещения и благотворения»).

Нарежным был передан на рассмотрение Общества роман «Черный год, или Горские князья», который оно не решилось напечатать из-за его политической и сатирической резкости. Повиди-

¹ Журнал входящих бумаг Вольного общества любителей российской словесности (ВОЛРС) за 1819 г., № 123. Архив Института русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде (ИРЛИ). Об этом сообщалось и в «Трудах Вольного общества» за 1819 г., ч. II.

² Входящие бумаги ВОЛРС за 1819 г., Архив ИРЛИ.

тому, отклонение романа и послужило причиной охлаждения Нарежного к Обществу и прекращения связи с ним.

После ухода со службы в 1821 году литературная деятельность Нарежного оживляется; в течение сравнительно короткого времени он напечатал несколько новых книг: в 1822 году роман «Аристон, или Перевоспитание», в 1824 году «Новые повести» и роман «Бурсак», а в 1825 году — в год смерти писателя — роман «Два Ивана, или Страсть к тяжбам». Последний роман «Гаркуша» не был им закончен. 21 июня 1825 года Нарежный умер на сорок пятом году жизни.

Помимо краткого некролога в «Северной пчеле»¹, единственным откликом на его смерть явилось упоминание рецензента «Московского телеграфа», который в статье о «Двух Иванях», между прочим, отмечал: «В. Т. Нарежный, скончавшийся в июле сего года², подавал некогда большие о себе надежды. Обстоятельства — тяжелая цепь, часто угнетающая таланты, остановила и Нарежного на его поприще»³. Это туманное указание на какие-то неизвестные нам обстоятельства смерти Нарежного свидетельствует о том, что жизненный путь писателя-разночинца был весьма тяжел и неблагоприятен для развития его таланта.

В своем творчестве он не был одиночкой и прокладывал совместно с другими писателями дорогу русскому реалистическому роману. Его деятельность в этом направлении шла во многом общими путями с такими представителями раннего, «просветительского» реализма, как А. Е. Измайлов, автор романа «Евгений», или талантливый сатирик, анонимный автор смелого сатирического романа «Путешествие критики» (1818), близкого к «Российскому Жилблазу» Нарежного как гневным разоблачением помещичьего и чиновничьего произвола, так и самой манерой повествования. Особенно важно отметить творческую переключку Нарежного с такими основоположниками русского реализма XIX века, как Крылов и Гоголь.

2

Одним из наиболее значительных произведений Нарежного является его роман «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814). В нем дана широкая сатирическая картина жизни самых разнообразных социальных слоев крепостнической России конца XVIII — начала XIX века, подняты

¹ «Северная пчела», 1825, № 75.

² Здесь сведения о времени смерти В. Т. Нарежного приведены не точно.

³ «Московский телеграф», 1825, ч. IV, № 16, стр. 346.

актуальные общественные вопросы. После «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева никто не пытался выступить с таким социально-острым произведением. Несмотря на традиционность сюжетных ситуаций, правдивость этого романа, его демократическая направленность ставят его на особое место. Недаром так строго отнеслась к нему цензура, запрещавшая издание романа даже много лет спустя после смерти автора.

«Российский Жилбаз» полон острой полемики, едких и весьма конкретных намеков на события недавнего прошлого и современной писателю жизни. Следует указать на то, что, имея в виду «прошедшее царствование», то есть екатерининскую эпоху, Нарезный изобразил под именем светлейшего князя Латрона — Потемкина, заострив отрицательные стороны его деятельности, его деспотизм и своеволие. В романе отразились и такие события конца XVIII века, как деятельность масонских лож, в частности нашумевшее в свое время раскрытие «Филадельфического общества» и «Физического клуба», участники которых под ширмой филантропической деятельности и выполнения масонских обрядов предавались разврату. Нашли свое отражение и события общественно-литературной жизни эпохи — прежде всего та полемика по вопросам языка и слога, которая велась между Шишковым и его приверженцами и карамзинистами в начале XIX века.

Причиной запрещения романа и шума, который подняло вокруг его появления министерство полиции, были не только «предосудительные и соблазнительные места», как гласило донесение, но и вся его антидворянская направленность, резкость его сатиры.

Следует указать, что запрещение романа не помешало его известности. Так, декабрист Д. Завалишин называет «Российский Жилбаз» наряду с крыловским «Трумфом» в числе книг, которые оказали влияние на рост антиправительственных настроений и распространялись в списках¹.

Нарежный в «Российском Жилбазе» выступает против самых различных проявлений разложения и нравственного упадка крепостнического общества. Он показывает, как все звенья государственного механизма способствуют угнетению и ограблению народа, простого «маленького» человека. От будочника-полицейского, отбирающего у бедняка последнюю луковицу, до светлейшего князя, царского министра, лишаящего людей не только состояния, но и жизни, тянется эта цепь притеснений, обид, несправедливостей, хищничества. Нарезный показывает моральную развращенность дво-

¹ Д. И. Завалишин, Записки декабриста, т. I, Мюнхен, 1904, стр. 180—181.

рянского общества, прикрытую светским лицемерием, всеобщую продажность и распушенность.

История «князя» Чистякова — это поучительная история о том, как неплохой, но бедный человек в обстановке окружающего его беззастенчивого воровства, мздоимства, жестокого угнетения и самодурства со стороны сильных мира сего, всеобщей развращенности и продажности сам становится карьеристом, начинает творить те самые подлости и несправедливости, всю тяжесть которых ранее испытал на себе. История его похождения дает возможность показать сверху донизу все социальные ступени тогдашней России. Крестьяне, ремесленники, купцы, чиновники, судьи, священники, актеры, придворные, министры — такова необычайно широкая галерея персонажей романа.

Показ правдивой картины нравов различных сословий являлся основной задачей писателя, считавшего, однако, необходимым, согласно требованиям традиции, сделать роман занимательным, введя в него несколько сложных переплетающихся сюжетных линий.

Задумав создать «Российского Жилблаза», Нарезный вовсе не собирался подражать роману Лесажа: нищий «князь» Чистяков, отнюдь не литературный сколок с удачливого лесежевского героя. «Я вывел на показ русским людям русского же человека, — писал он в своем предисловии к роману, — считая, что гораздо сходнее принимать участие в делах земляка, нежели иностранца. Почему Лесаж не мог того сделать, всякий догадается. За несколько десятков лет и у нас нельзя бы отважиться описывать беспристрастно наши нравы». Однако Нарезный на собственном опыте смог убедиться, что «беспристрастное описание нравов» было невозможно и в его время.

Нарежный дает настолько правдивую картину самоуправства и развращенности дворянства, что она вырастает в общую отрицательную характеристику современного ему общественного строя. Можно привести ряд примеров, чтобы стала ясна непосредственная близость «Российского Жилблаза» к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева. В лице князя Латрона Нарезный показывает жестокого и всевластного временщика, перед которым «трепетала» целая страна, «по которого слову двигались армии», «чей взор осчастливливал или погружал в несчастья». Он совершает множество преступлений, покровительствует всяким несправедливостям, показывает пример развращенности и корыстолюбия. Но Латрон (по-латински — разбойник) — не столько портретное изображение Потемкина, сколько собирательный типический образ знатного вельможи, сильного мира сего, к которым Нарезный относится с самой резкой враждебностью. Латрон и ему подобные не только сами тво-